

УДК 811.16

**ВОПРОС ОБ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В СВЕТЕ НОМИНАЦИОННОЙ ПАРАДИГМАТИКИ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

© 2011 г.

А.В. Бабанов

Санкт-Петербургский госуниверситет

ab3907@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.03.2011

Выделение основы существительного в относительно самостоятельную грамматическую структуру рассматривается как один из способов структурного оформления производных наименований, зачастую альтернативный по отношению к другим грамматическим приемам, выступающим в производных наименованиях аналогичной семантики. Активность использования этого приема проявляется прежде всего при адаптации заимствований и зависит от присущих разным языкам особенностей системы грамматических средств, используемых в номинационных процессах.

Ключевые слова: номинация, номинационные модели, адаптация заимствований, языковые контакты.

Категория языковых единиц, названная в 1937 году А.А. Реформатским «аналитическими прилагательными» [1], а в 1971 году объявленная М.В. Пановым сложившейся новой частью речи в русском языке [2], продолжает привлекать к себе внимание исследователей [3–5]. Причина этого интереса – не только постоянное пополнение данной группы явлений, но и остающийся спорным вопрос о структурном статусе данных единиц, а также расхождения в понимании круга явлений, причисляемых к аналитическим прилагательным.

Думается, что некоторый вклад в осмысление этой проблемы может внести сопоставительный анализ соответствующего материала: с одной стороны, на фоне других, и прежде всего родственных языков, а с другой – на фоне других языковых структур, выполняющих в языке аналогичную функцию. В первом случае объектом сопоставления будут эквивалентные наименования в других славянских языках, имеющие однотипную мотивировку, во втором – различные формальные средства номинации в русском и других славянских языках, образующие парадигму номинационных средств.

Как часто бывает с лингвистическими терминами, парадигма средств номинации может пониматься по-разному. В широком смысле номинационная парадигма языка включает три различных способа пополнения его словарного запаса новыми наименованиями: прямое заимствование, употребление имеющегося в языке

наименования в новом значении и генерирование нового наименования из имеющегося в языке инвентаря знаков путем их комбинирования. В узком смысле под парадигматикой номинационных средств языка понимается набор грамматических приемов, используемых при последнем из названных путей номинации.

Парадигматическая упорядоченность различных типов знаков, используемых при генерировании наименований комбинаторного типа, определяется их возможностями замещать позиции структуры производного мотивированного наименования, которая, по мнению Я.-М. Розвадовского, всегда двухкомпонентна: «один компонент является дифференцирующим, выражающим черту доминирующую, отличающую данный предмет от других подобных, а другой компонент – отождествляющим, выражающим целое или всю совокупность остальных черт предмета, на основании которых мы его вообще понимаем, относя к хорошо известному нам представлению или понятию. В названии, следовательно, как и в дефиниции, выражена, с одной стороны, *differentia specifica*, а с другой – *genus proximum*, если воспользоваться старыми техническими терминами» [6, с. 132–133].

Развивая эту точку зрения, примем, что в наименованиях комбинаторного типа составляющие их знаки образуют номинационную структуру, в которой один из знаков – тот, который эксплицирует *genus proximum* (или, в терминах М. Докулила, «ономасиологическую

основу» [7, s. 29]), назовем номинационной основой, а другой, эксплицирующий *differentia specifica* (у М. Докулила – «ономасиологический признак» [7, s. 29]), – номинационным формантом. Функция номинационного форманта оказывается, таким образом, своеобразным общим знаменателем для некоторых аффиксов (например, *вагончик* – ‘маленький вагон’), существительных в аппозитивном употреблении (*вагон-ресторан*), предложно-падежных форм (*вагон для перевозки скота*), косвенных падежей существительных (*вагон прямого сообщения*), разнообразных структур, относимых различными исследователями к аналитическим прилагательным (*бронев вагон, мини-вагон, моторвагон, салон-вагон, спецвагон, электров вагон*). Дальнейшая задача описания парадигматики в части номинационных формантов сводится к описанию специфики каждого из возможных грамматических типов.

Одним из признаков, по которому эти форманты могут быть охарактеризованы, является способ представления семантики – называние ономасиологического признака или только его сигнализирование. Второй способ имеет место у деривационных аффиксов (в приведенных примерах – *-чик*, возможно, *мини-*), во всех остальных случаях мы имеем дело с называнием. Следовательно, изначально номинационный формант такого типа сам является названием и определенным образом включается в название более высокого уровня сложности.

Вторым параметром, по которому можно описать номинационные форманты с целью выявления структурной специфики каждого из них, является способ преобразования исходного наименования в номинационный формант, т.е. способ его постановки в зависимую позицию (Позиция номинационного форманта по отношению к номинационной основе всегда зависимая, это вытекает из их семантического соотношения). Несамостоятельность номинационного форманта может выражаться в зависимости его формы от формы номинационной основы (согласование) – в случае прилагательного или аппозитивно употребленного существительного, в обязательности употребления некоторой жестко заданной падежной или предложно-падежной формы или же, наконец, в утрате собственной парадигмы склонения. К этому типу выражения подчиненного положения наименования и относится большинство случаев употребления так называемых «аналитических прилагательных». Поэтому с позиций парадигматики номинационной функции языка можно сформулировать предположение, что в

случае так называемых «аналитических прилагательных» мы имеем дело не с формированием новой части речи или разряда прилагательных, а с распространением одного из способов введения названия ономасиологического признака в номинационную структуру.

Парадигматичность отношений между разными типами номинационных формантов проявляется в возможности различного оформления одной и той же семантики. Ср.:

вагон для перевозки скота – *вагон-скотовоз*
бронев вагон – *бронированный вагон*,
моторвагон – *моторный вагон*
спецвагон – *специальный вагон*
электров вагон – *вагон на электрической тяге*

В то же время парадигматичность в этом случае должна пониматься не как обязательность заполнения некоторой матрицы, а как наличие возможности использовать при необходимости осуществления номинации хотя бы один из предлагаемых парадигмой типов номинационных формантов. Ср.:

рус. *бизнес-пресса*
поезд-экспресс
интернет-магазин
пресс-конференция
рок-концерт

польск. *prasa biznesowa*
pociąg ekspresowy
sklep internetowy
konferencja prasowa
koncert rockowy и т.п.

Именно такой вывод представляется наиболее адекватным и при сравнении наименований одного и того же объекта в разных языках – разумеется, при условии, что сопоставляемые наименования относятся к типу мотивированных и имеют одинаковую мотивировку.

Польская парадигма грамматических средств номинации отличается от русской (по крайней мере, в том фрагменте, который анализируется), но не своим составом, а активностью отдельных ее компонентов. Легкость образования прилагательных типа *biznesowy, ekspresowy, internetowy, prasowy, rockowy* вряд ли случайна, поскольку композиты с препозитивно употребленными основами этих прилагательных в польском языке крайне редки, и к тому же должны рассматриваться не как наименования комбинаторного типа, порожденные номинационной системой польского языка, а, скорее, как прямые заим-

ствования, что зачастую дополнительно подтверждается сохранением (иногда факультативным) английской орфографии. Словари фиксируют такие композиты и составные наименования, как *biznes class* [8, t. 1, s. 274] (или *business class* [8, t. 1, s. 355]), *biznes partner* [9, s. 164], *biznesplan* [9, s. 164] (как варианты – *biznes plan* [8, t. 1, s. 274] или *business plan* [8, t. 1, s. 355]), *seks bomba* [8, t. 4, s. 1168], *sex-party* [8, t. 4, s. 1186], *show-biznes* [9, s. 1145].

Таким образом, несмотря на всю очевидность английского влияния на современный польский язык, констатация которого стала уже общим местом в публикациях по вопросам культуры речи, в польском языке не возникло той модели, активность которой в русском языке связывается с влиянием английских образцов [5]. В статье, посвященной влиянию английского языка на язык польской рекламы, препозитивному употреблению несклоняемых определяющих компонентов посвящено буквально несколько строк [10, s. 322]. Вторую причину популярности таких конструкций в русском языке видят в тенденции к экономии средств языкового выражения, которая особенно убедительно проявляется при использовании в качестве препозитивного компонента аббревиатуры (*МГД-генератор*, *vip-обслуживание*, *PR-менеджер*, *USB-модем*), но может быть обнаружена и в других случаях использования «аналитических прилагательных». Но данная тенденция считается универсальной, а следовательно, проявляющейся и в польском языке, однако к появлению соответствующей «экономной» модели в польском языке она не привела.

Очевидно, имеются еще какие-то причины, приведшие к расхождению между польским и русским языками в этом фрагменте номинационной парадигмы, поскольку все факторы, рассматривавшиеся до сих пор (общее праславянское наследие, влияние английского языка, тенденция к экономии средств языкового выражения) являются общими и не могут удовлетворительно объяснить возникших различий в парадигматике. И если эти причины не в древнейшей истории (праславянские корни) и не в современных условиях функционирования (влияние английского языка), то, видимо, данное различие сформировалось под влиянием каких-то факторов в истории соответствующих языков, в период достаточно давний, но не такой древний, как праславянская общность. Различие это касается, скорее всего, внешних факторов, поскольку изначально внутренними являются лишь фактор общего праславянского наследия и универсальные тенденции в развитии языков,

которые по определению не могут быть различны.

Прежде всего, стоит обратить внимание на то, что все прилагательные, выступающие в польских названиях в качестве структурно-семантической параллели к препозитивным элементам в русских названиях, употребляются постпозитивно. Такое употребление относительных прилагательных в польском языке является его характерной особенностью, сложившейся, судя по всему, под влиянием латыни, функционировавшей в течение многих веков в качестве официального языка во многих сферах общественной жизни Польши. Знание латинского языка в Польше в XIV–XVIII веках было настолько массовым, что можно говорить о польско-латинском двуязычии образованных слоев польского общества. Видимо, влияние латинского образца на порядок слов в атрибутивной конструкции оказалось настолько сильным, что его не смогло перевесить существовавшее в тех же веках немецкое влияние, проявлением которого могли бы стать членимые немецкие заимствования с неизменяемым «атрибутивным элементом в препозиции к вершине» [5, с. 26]. В русском языке, испытывавшем немецкое влияние начиная с XVIII века и никогда не испытывавшем такого влияния латыни, как польский язык, подобные конструкции появились в достаточно большом количестве, некоторые уже стали историзмами (например, *ревизион-коллегия* [11, с. 97], *генерал-марш* [12, т. 1, с. 258], *камер-казак* [12, т. 2, с. 157], *штаб-офицер* [12, т. 4, с. 463]), другие вполне активны и в наше время, например: *конференц-зал* (в словаре В.И. Даля – *конференц-зала* [13, т. 2, с. 250]). В польском языке немецкие заимствования с такой структурой усваивались так же тяжело, как в наше время английские, и примеров названий, состоящих из двух компонентов, каждый из которых потенциально является самостоятельным словом, мы находим немного. В основном это слова с номинационной основой *-mistrz*, а компоненты, выступающие в них в качестве номинационного форманта, с другими номинационными основами такого типа практически не сочетаются. Ср.: *baletmistrz*, *cechmistrz*, *chórmistrz*, *kapelmistrz*, *koncertmistrz*, *kwaterymistrz*, *organmistrz*, *sztukmistrz*, *tanecmistrz*, *zegarmistrz* [14, s. 891–892] По образцу этих слов возникло несколько аналогичных наименований с препозитивным элементом польского происхождения, ср.: *chlewmistrz*, *zbrojmistrz* [14, s. 891–892].

Для русского языка перечень источников данного типа композитов не ограничивается

лишь германскими языками. Наименования подобной структуры приходили в русский язык не только с запада, но и с востока. Наиболее показательный пример ориентализма, обладающего теми же структурными свойствами – тюркизм *караван-сарай* (в середине XIX века – *караван-серай* [12, т. 2, с. 162], в современном написании – как один из вариантов в словаре В.И. Даля [13, т. 2, с. 145]). В этом случае обе вычленимые в заимствованном композите корневые морфемы вошли в русский язык и функционируют независимо друг от друга. В других заимствованиях из восточных языков для большинства носителей русского языка композитная структура менее очевидна, поскольку проявляется только через фонетику (наличие двойного ударения), а не через семантику (в качестве самостоятельной лексемы в русский язык вошел в лучшем случае лишь один из компонентов). Тем не менее хоть и с оговорками, но такие лексемы, как *далай-лама* [13, т. 2, с. 383], *люля-кебаб* (в словаре В.И. Даля – *люли-кабав* [13, т. 2, с. 111]), *рахат-лукум* [15, с. 618], *чайхана* [15, с. 805] и т.п., тоже можно отнести к данному типу композитов, и своим наличием в языке они облегчали освоение более поздних заимствований и генерирование производных наименований, таких, как *шеф-повар* [15, с. 822], *пресс-конференция* [15, с. 537], *резус-фактор* [15, с. 622].

Наконец, в русском языке имеются и такие производные наименования, первым неизменяемым компонентом которых является утратившее изменяемость славянское по происхождению слово или давно ассимилированное русским языком заимствование, например, *горьбылов* [15, с. 128], *жар-птица* [12, т. 1, с. 399], *разрыв-трава* [12, т. 4, с. 28], *царь-птица* [12, т. 4, с. 417], *чудо-богатырь* [15, с. 815] и т.п. Такого рода композиты с русским по происхождению первым компонентом тоже продолжают возникать в русском языке, правда, преимущественно как наименования фирм и марки товаров (ср. кафе «*Царь-пышка*», морс «*Чудо-ягода*» и т.п.), иногда пополняется и репертуар первых, несклоняемых компонентов композитов (например, название музыкального коллектива «*Терем-квартет*»).

Не углубляясь в источники и причины появления наименований типа *жар-птица* в русском языке и в объяснение их отсутствия в большинстве других родственных славянских языков (в качестве рабочей гипотезы можно предположить влияние финно-угорского субстрата), следует констатировать, что соответствующая модель представлена в собственно русском языке,

причем как в письменном, так и в народно-поэтическом. Наличие такой модели, с одной стороны, облегчало заимствования из разных языков в разные исторические периоды, а с другой стороны, поддерживалось этими заимствованиями. Для активизации в русском языке в конце XX века номинационной модели, похожей на аналогичную модель английского языка, это оказалось важнее, чем мода или соответствие принципу языковой экономии. В польском языке освоение этой модели оказалось чрезвычайно затруднено из-за постпозитивной позиции значительной части согласованных определений (относительных прилагательных), ставшей нормой в силу влияния латинского синтаксиса.

Возвращаясь к вопросу о номинационной парадигматике славянских языков, можно сказать, что различия между номинационной парадигматикой родственных языков, понимаемой в узком смысле, в процессе интерпретации часто требуют учета номинационной парадигматики в широком смысле, т.е. учета фактора языковых контактов и связанных с этим заимствований лексем, причем не только и не столько на синхронном срезе современного языка, сколько в диахронии.

Список литературы

1. Реформатский А.А. Упорядочение русского правописания (статья вторая) // Русский язык в школе. 1937. № 6. С. 83–84.
2. Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. М., 1971. С. 240–253.
3. Крысин Л.П. Новые аналитические прилагательные и явление хиатуса // Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. М., 2001. С. 189–196.
4. Бениньи В. Аналитические прилагательные: Распространение иноязычной модели «определяющее существительное + определяемое существительное» // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007. С. 117–125.
5. Горбов А.А. Топ-метод экспресс-номинации эконом-класса: о русских именных композитах с атрибутивным элементом в препозиции к вершине. // Вopr. Языкознания. 2010. № 6. С. 26–36.
6. Rozwadowski J. O zjawiskach i rozwoju języka.
7. O dwuczłonowości wyrazów // Język Polski, r. VI (1921), nr 5, s. 129–139.
8. Dokulil M. Tvoření slov v češtině. 1. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. 262 s.
9. Uniwersalny słownik języka polskiego. /Pod red. Prof. St.Dubisza. Warszawa: PWN, 2008. - T. 1, 1348 s.; T. 2, 1313 s.; T. 3, 1611 s.; T. 4, 1141 s.
10. Wielki słownik wyrazów obcych PWN. Warszawa: PWN, 2008. 1348 s.
11. Chłopicki W., Świątek J. Wpływ języka angielskiego na współczesny język polskiej

reklamy // *Język w komunikacji*. Т. 1. Łódź, 2001, s. 319–326.

11. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 10. СПб.: Наука, 1998. 256 с.

12. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. I. 415 с.; Т. I., 471 с.; Т. III. 589 с.; Т. IV. 487 с. (Репринтное издание: СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2001)

13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Астрель; АСТ, 2001. Т. I. 1155 с.; Т. II. 1278 с.; Т. III. 921 с.; Т. IV. 1144 с.

14. Słownik gniazd słowotwórczych współczesnego języka ogólnopolskiego. /pod red. naukową H.Jadackiej. Т. 2. Kraków, 2001. 1154 s. (s. 257–1410)

15. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 12-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1978. 846 с.

THE QUESTION OF ANALYTICAL ADJECTIVES IN REGARD TO THE NOMINATIONAL PARADIGM OF SLAVIC LANGUAGES

A.V. Babanov

The turning of the noun stem into a relatively self-sufficient grammar unit is treated as one of the modes of forming derived names often alternative to other grammar devices used in the derived names of the similar meaning. This takes place mostly in the adaptation of borrowings, and in different languages the extent to which this device is used depends on inherent characteristics of their own system of grammatical means employed in the processes of nomination.

Keywords: nomination, models of nomination, adaptation of borrowings, language contacts.